

ГАЛИНА ЧЕРЕДИ

ЖЕМЧУЖИНА
ФЕЙРИ
КНИГА 1

Галина Череди́й
Жемчужина фейри. Книга 1
Серия «Мир жестоких фейри»
Серия «Жемчужина
фейри (дилогия)», книга 1
Серия «Мир жестоких фейри», книга 4

doc предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69946024

Аннотация

История жизни могучего деспота Грегордиана, архонта всея Приграничья, великолепного и непобедимого дини-ши завершена. Именно это вижу я, его друг, советник и верноподданный асраи Алево, непутевый сын Саффина, главного поставщика всякой экзотики ко двору Сиятельной четы. Мой родитель желал, чтобы я пошел по его стопам. Моя мать, узнав, что я от рождения оказался наделен даром соблазнения и внушения чувственного желания особой силы, прочила мне иную карьеру. Быть тем, кому подвластна похоть в мире Старших, где нет почти ничего превыше культа получения удовольствий, дорогого стоит. Но я разочаровал их обоих. Смысл заниматься тем, что дается тебе легче легкого, без борьбы, не возбуждая по-настоящему. Еще юнцом сбежал в Приграничье в поисках

славы и побед совсем не в постельных баталиях (ладно, ладно, не только в них), умудрился проникнуться глупой преданностью к тогда еще совсем юному дини-ши и симпатией к его бешеному, но прямолинейному нраву, да так и остался. Но сейчас мы не об этом. А о том, что недавно Грегордиан женился. Не просто женился, а прошел обряд супружеского вечного слияния. Так что, да, история его жизни завершена. Что по-настоящему интересного может случиться теперь для него? Верно – ничего. Финал, мужик. Конец. Смертный приговор и никакой амнистии никогда. До конца дней одна и та же женщина в твоей постели, никакой интриги, игры, совращения и чувственных открытий. Страшный сон, кошмар... для меня. Так я думал все чаще и чаще, наблюдая за ним и Эдной. Но в мире Младших существует такое поверье, что чем больше ты о чем-то думаешь, тем скорее к себе воображаемое и привлекаешь. Итак, я – асраи Алево, и это моя крайне печальная история, прочитав которую многие скажут: «Так ему и надо». И, возможно, но крайне маловероятно, я с этим соглашусь.

Содержание

Глоссарий	5
Глава 1	11
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	38
Глава 5	46
Глава 6	55
Глава 7	62
Глава 8	70
Глава 9	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Галина Череди́й

Жемчужина фейри

Книга 1

Глоссарий

(Он же здесь и нечто вроде введения)

Внимание!

В данном глоссарии даются разъяснения по значению некоторых слов, названий видов и рас героев в тексте, а так же по действиям некоторых артефактов. Любое несовпадение моей трактовки или описания с существующим в других источниках совершенно несущественно, и тыкать мне в них не стоит. Я могу взять за основу что угодно и делать из этого что мне вздумается. Мои книги – мои миры, и, соответственно, все по моим правилам. А желающим подискутировать на тему, какими способностями должны-не должны обладать те или иные существа, хочу напомнить: это ФЭНТЕЗИ! А значит, выдумка от начала и до конца, и настаивать на том, что придуманные создания ДОЛЖНЫ следовать неким стереотипам поведения, в то время когда их в принципе не

существует в природе – СМЕШНО! В процессе написания книги будет расти и глоссарий. Ладно, поехали.

Фейри – у меня в «Подмене» и здесь, в «Жемчужине фейри», это абсолютно все существа и порождения мира Старших. Можно ведь сказать «земляне» и подразумевать под этим нас, людей, а можно любое существо, от бактерии до слона, и это тоже будет верно. Так что тут, «фейри» – это любое создание, рожденное за Завесой, не важно, человекообразные ли это виды любых размеров и цветов, бестелесные, типа бродячих огоньков и древесных духов или животные, которые так же могут обладать разумом и сверхъестественными способностями.

Старшие – фейри, по их собственным утверждениям, являются существами гораздо более древними и могущественными, чем люди, которых они именуют в тексте Младшими, вкладывая в это понятие обобщенное, и в большой степени уничижительное значение, нежели просто разный возраст цивилизаций.

Завеса – мистическая преграда, барьер между двумя мирами, который, в первую очередь рассчитан на то, чтобы люди не могли случайно или намеренно попадать в мир Старших без их ведома. Для самих фейри Завеса легко проницаема.

Дану – высшее божество мира Старших.

Беленус – ее супруг, с которым Дану в вечном противостоянии.

Гамада – некое пространство «нигде», обитать в котором могут исключительно божественные сущности.

Асраи – высшие фейри. Имеют постоянную человекообразную форму, исключительно красивую внешность и часто от рождения обладают эмпатией, телепатией и способностью управлять природными процессами.

Дини-ши – очень воинственный вид высших фейри. Фейри-воины и защитники. Имеют как человеческую форму, так и животную, в которой обладают просто чудовищной силой и способны в одиночку побеждать целые армии и орды живых существ мира Старших.

Гует – волшебник, чародей, может принадлежать к любому виду высших фейри.

Оряк – низший демон, духовный паразит, питающийся низменными человеческими страстями.

Мяцкай – такой же паразитирующий демон, но более сильный и агрессивный, который толкает своего носителя на отвратительные поступки и очень быстро разрушает полностью и его душу, и физическое тело.

Голем – искусственно, то бишь магически созданное живое существо, лишённое души. Обычно големы недолговечны и умирают естественным образом очень быстро, не имея ни энергетической, ни духовной связи с окружающим миром.

Гианы – человекообразный вид фейри, имеющий, однако, весьма примитивный разум и потребности. Выглядят как вы-

сокие, необыкновенно прекрасные женщины, умеющие хорошо прясть и замечательно петь. Так как мужчины их вида в свое время вымерли, то они периодически делают набег на поселения других видов фейри. Они соблазняют мужчин, а потом выпивают кровь и пожирают плоть. Четыре дня спустя рождаются их дочери, которые полностью наследуют кровь своих матерей и также становятся гианами.

Ногглы – не имеющие человеческого облика фейри, фейри-звери. Огромные плотоядные чудовища. Самцы ведут кочевой образ жизни, а вот самки оседают на определенной территории, куда и могут приманивать самцов и формировать небольшие семейные группы, стаи, способные буквально опустошить от всего живого окрестности.

Хийсы – демоноподобные, серокожие фейри, условно относящиеся к высшим. Основное занятие мужчин-хийсов – наниматься в личные воинства владельцев разных земель. Женские особи никогда не покидают родных поселений, и образ их жизни скрыт от посторонних.

Фоеты – голубокожие, крылатые фейри. Фейри – частично птицы. Обладают легкомысленным, непоседливым характером и склонностью устраивать не всегда добрые шутки над окружающими. Родные места – горная местность.

Тару – ушти – человекоподобные фейри рептилоидного типа, для размножения им необходимо семя любых других рас высших фейри, так как, волею Богини их собственные самцы бесплодны.

Юда – огромное, полуразумное животное-фейри. Является весьма распространенным ездовым животным на сугубо добровольной основе.

Анхен – крошечные зеленокожие лесные фейри. Живут обособленными поселениями и занимаются сбором цветочных нитей особого растения – шелковина, из которого ткут великолепные ткани. Полные вегетарианцы, кроткие и не способные защитить себя.

Самовилы – вид фейри-полукровок. Являются плодами любви асрай и некоторых других высших фейри. Считается, что девочки от таких связей бывают просто неотразимыми внешне, но всегда имеют какой-то скрытый порок.

Брауни, они же мамыры – сугубо домашние фейри средней формации. Никогда не строят своих поселений, и вся их жизнь проходит в услужении более сильным и могущественным расам. Идеальные слуги, управляющие, подсобные работники.

Артефакт короткого пути – магический инструмент, позволяющий мгновенно перемещаться в любое желаемое место между миром Младших и Старших, не пользуясь доступными проходами в Завесе. Не может быть применен с людьми, впервые попадающими в мир Старших, так как, попадая в этот мир, человек должен «пройти акклиматизацию», путешествуя исключительно своими ногами.

Драконья печать – врожденное магическое препятствие, не позволяющее молодому дракону-мужчине никогда испы-

тывать физическое возбуждение, кроме как при встрече со своей Единственной. Снять эту печать так же можно посредством близости именно с этой женщиной.

Глава 1

– Грегордиан, тебе точно стоит проверить голову, если ты думаешь, что я отпущу Илву и Раффиса в мир Младших с этим... асраи! – Эдна в сердцах отпихнула от себя блюдо, на котором все вкусные и идеально красивые кусочки были отобраны лично архонтом Приграничья.

Импульсивное движение, пусть и на эмоциях, но с намеком на пренебрежение... Никогда и никому прежде такое не сходило с рук. Беременной Эдне же – запросто и постоянно. Хотя я, по сути, уже привык к такому, но все равно каждый раз мысленно закатывал глаза. Эта женщина с самого начала буквально пахла проблемами. Причем из разряда тех, что сотрясают привычный мир мужчины до основания, делая его кем-то иным, при этом сохраняя собственную внутреннюю сущность цельной, нерушимой. Нет, конечно, мой друг и повелитель все еще оставался прежним для всех, ну, в смысле, всех, кто не был непосредственно этой его раздражающей теперь уже супругой и не входил в ближний круг тех, чьими делами и судьбами она живо интересовалась. А надо заметить, интересовалась она, кажется, всем и каждым. Нет, она принимала во внимание отличие жизненных постулатов людей и фейри, однако же, полностью избавиться от взгляда на любую ситуацию через дурацкую призму «справедливо-несправедливо, честно-нечестно, правильно-непра-

вильно» не могла. И, как я подозреваю, уже не сможет. Да и ладно, ее нервы – ее потеря. Меня во всем этом касалось только то, что она умудрялась при всем своем упрямстве и прочих раздражающих качествах делать счастливым Грегориана. Вот за одно это я готов был ей служить и терпеливо сносить ее осуждающий мой и общий для всех асрай якобы распутный и сластолюбивый образ жизни. Да во имя нашей злобной... э-э-э... прошу прощения, темпераментной Богини, я готов был за нее умереть, лишь бы она снова и снова ухитрялась вызывать на извечно мрачном лице моего друга улыбку. А еще за спасение жизни моему мабону. Ну и чего уж там, мне дико нравились ее прямота и смелость отстаивать главные жизненные принципы. Не в той степени нравились, чтобы допустить даже намек на мечтания о том, что однажды у меня появится своя такая же своенравная женщина, ради которой я захочу меняться, просто чтобы она продолжала меня любить. Нет уж! Это ничемные сложности, нет никакой гарантии, что выберешь ты именно ту и что результат тебя не разочарует. Поэтому какой вывод? Правильно, зачем мучиться и выбирать какую-то одну, если можешь наслаждаться обожанием и похотливым огнем в глазах у всех встречных, и совершенно без разницы, будет ли он спонтанно-честным или навеянным моей природной магией. Каждая из них – всего лишь эпизод, детали не существенны, важен сам процесс и его непрерывность.

– Эдна, дорогая, не забыла ли ты, что пока еще я здесь

архонт и именно мне принадлежит суверенное право решать судьбы всех и всего в моих владениях? – Всегда взрывной деспот с однобокой невозмутимой улыбкой придвинул блюдо обратно и выбрал лучший кусочек, чтобы поднести его к губам своей сердитой супруги.

– Я слышал, что беременность сильно сказывается на памяти и мыслительных способностях женщин, – пробурчал я себе под нос, прекрасно зная, что меня услышат все присутствующие. Все – это еще и сами, собственно, виновники этого препирательства, происходившего, надо заметить, уже не в первый раз и ставшего прямо-таки любимой застольной темой за завтраком. Одно и то же, но, похоже, деспоту и Эдне это не надоедало – ни один из них не собирался уступать, а вот я и Илва с Раффисом предусмотрительно молчали. По большей части. Мне было, в принципе, наплевать на исход данного противостояния, а драконенышу с его Единственной тоже хватало ума понимать: раскрывать рот, когда серьезные дядя с тетей решают их судьбу, – чревато.

– Я беременна, а не в маразме! – Эдна адресовала мне одну из своих «немедленно захлопнись» улыбочек. – А вот вам, дорогие мужчины, нужно потренировать память, чтобы припомнить: мой любимый супруг даровал жизни моей сестры и ее парня мне!

– Эдна, Илва не твоя сестра! – Если голос деспот и повысил, приправив мягким порывиванием, то рука его, терпеливо предлагающая пищу, не дрогнула, и улыбка лица не

покинула.

И тут я, кажется, понял. Грегордиану нравится ее дразнить. Так внимание Эдны и все ее эмоции и усилия по убеждению сосредотачивались на нем.

– Что значит «ее парень»? – еле слышно поинтересовался у меня Раффис.

– Это точно не про тебя, – ухмыльнулся я.

– Почему?

– Потому что, если бы ты был ее парнем, то каждую ночь... хм... и не только ночь, проводил бы определенное время внутри нее. – Я, не скрываясь, ткнул в сторону спокойно поглощавшей еду Илвы, и принц заерзал. Нет, ну как можно быть таким размазней, обладая во второй ипостаси аж целым драконом? Будь я на его месте, уже давно развел бы эту холодную девку на однократный секс, чтобы избавиться от печати вместе с девственностью, а потом ломанул бы во все тяжкие.

– Вот! Видишь! – обличающим тоном воскликнула Эдна. – Этот... фейри на всю голову чему хорошему сможет их научить?

– О, я-то как раз научу хорошему и приносящему массу удовольствия, не обременяя себя всякой высокоморальной и нудной ерундой!

«И если бы ты не вела жизнь практически долбаной монахини и трудоголички в мире Младших, а позволяла себе отрываться и веселиться, потакая любым желаниям, то вполне

могла бы и воздать должное моим неоценимым качествам учителя удовольствий». Мог бы сказать я. Но не сказал. Вылетать в окно и залечивать переломы не входило в мои сегодняшние планы.

– Илва хочет узнать, что она пропустила, оказавшись здесь. Пройти хоть часть пути, который я прошла вместо нее. – Ну надо же, еще одна занудина, недаром что они с Эдной так похожи!

– Монна Илва, позвольте мне вас заверить, что вы абсолютно ничего не потеряли, – кивнул я девице, что даже не взглянула на меня и взмахом ресниц не выдала, что услышала. Временами мне кажется, что она и не живая вовсе. Настолько наловчилась играть в бездушное неполноценное создание, что никогда не выйдет из этого образа.

– Алево, ты не можешь ни в чем ее заверять, как, впрочем, и ничему научить. Ты никогда не ходил в школу или институт в мире Младших, никогда не устраивался на работу и не заботился о самых обычных, бытовых вещах, не считал, как прожить на стипендию или зарплату. Это я должна быть рядом с ней, чтобы показать могилу мамы, чтобы помочь изучить и рассмотреть ее родной мир и решить, хочет ли она оставаться там или же вернуться уже навсегда сюда!

– Эдна, единственное, что ты должна делать в ближайшее время – это беречь себя и быть рядом со мной! – Так, а вот сейчас уже становилось горячо. Если деспот выйдет из себя, безопасной в Тахейн Глиффе будет лишь зона в радиусе па-

ры метров от Эдны.

— Грегордиан, ты мне сказал, что все, чего я хочу и в чем нуждаюсь, я должна просить у тебя и всегда это получаю. — А вот это настоящий нечестный прием. Ай да Эдна, ай да умница! Жизнь среди фейри все же тебя учит хоро... ну, я имею в виду, учит и учит.

Архонт Приграничья резко поднялся на ноги, и выражение его лица было непроницаемым. Ведь он не может проиграть... пусть и в споре со своей женщиной. Но и выиграть в этой ситуации без серьезных потерь не вариант.

— Вы все наелись! — громынул он, и это был весьма вежливый аналог «выметайтесь все отсюда к дварфовой матери!»

Желающих возражать, как обычно, не нашлось. Илва и принц быстро ушли прочь, ну а я, само собой, нашел себе чрезвычайно интересную трещинку в стене прямо около двери. Но совершенно напрасно. За ней ничего не грохотало, не звенели стекла, и не доносилось дробящего кости гневного рыка. Всего лишь тихий разговор и даже не на повышенных тонах. Эти двое просто договаривались. Ох, Дану, начинаю тебя понимать. В этом замке становится скучно и уныло.

Глава 2

– Могу я чем-нибудь помочь вам? – обнажила прекрасные зубы продавец-консультант бутика дорогого белья в профессиональной улыбке. Впрочем, с каждой секундой, пока она смотрела на меня, это проявление дружелюбности становилось все более искренним, а взгляд заинтересованным совсем не в консультировании.

«Конечно можешь, милая. Особенно, если сбросишь свои трусишки и заберешься на подлокотник этого дивана с раздвинутыми ногами. Идеальная высота у него, к слову».

– Нет, спасибо, этим господам вы ничем помочь не можете, – не скрывая стервозных ноток в голосе, влезла Эдна, бесцеремонно отталкивая меня и Раффиса в стороны. – Они сейчас посидят снаружи и подождут, пока вы будете активно демонстрировать нам новинки ваших коллекций.

Я, лишь чуточку досадуя на вредность супруги моего повелителя, (ну в самом деле, минет в раздевалке не занял бы много времени, учитывая, что у меня не было секса с момента перехода в мир Младших, а это аж двое суток. Жалко ей, что ли? Или сама в этих кружавках и тряпочках порваться не могла?) пожал плечами и, развернувшись, двинулся к выходу. А вот бедняга драконеныш так и завис, пялясь ошалелыми глазами на огромные плакаты с моделями, одетыми в одно лишь сексуальное белье. Он покраснел, вспотел,

гулко сглатывал и дышал все быстрее, в то время как, могу поклясться, представлял во всем этом дразнящем непотребстве эту свою ледяную доску с глазами, а его яйца наверняка становились равномерного синего цвета.

– Эй, – пихнул я его плечом, ухмыляясь, – твой стояк уже вполне можно использовать как вешалку для местного тряпья, а за такое им точно стоит тебе приплачивать.

Очнувшийся Раффис стремительно развернулся и пулей вылетел в двери.

– Сколько ты еще намерен вот так мучиться? – спросил, не потому что интересно, а просто ради убийства времени, облапывая глазами каждую достойную этого проплывающую мимо женскую фигурку.

– Я не мучаюсь, – гордо вздернул подбородок этот придурок. – Я жду знака.

– И сколько ты еще будешь его ждать?

– Сколько потребуется. Я ясно обозначил свои намерения и отношение. Когда монна Илва будет готова принять их...

– Ой, не смей! Когда будет готова! Прямое предназначение мужчины – делать женщин готовыми, а не ждать, пока они сами упадут им в руки, как созревший плод.

– Ты, фейри, говоришь о любой женщине, никто из них для тебя не имеет значения. Я же теперь живу только для одной. Ожидание не тяготит меня.

– Ну-ну, смотри, как бы твой плод не оказался перезревшим или неоднократно надкушенным другими, более ре-

шительными, пока ты маст... медитируешь в ожидании, – ляпнул я и пожалел, увидев, как затрясло чешуйчатого. Вот пусть врут мне потом, что они хладнокровные. Уж мне тут точно сейчас, посреди торгового центра обратившийся дракон ни к чему. Потому как строят человечки в последнее время как-то непрочно, хоть местами и эстетически привлекательно. Да и камер кругом понатыкано.

– Выдохни, ящерица! – успокаивающе произнес я. – Твоя единственная, похоже, еще более отмороженная, чем ты. Так и будете до седины сно... общаться на уровне взглядов и непорочных мыслей.

– Тебе не понять! – огрызнулся ящер, а я и не подумал отрицать.

– Куда уж мне, поганому похотливому фейр... Да охрене-е-е-еть! – вырвалось в конце само собой.

Я – сластолюбивая скотина, кладу, что имею в наличии, на человеческие нормы морали и практически всеяден. Женщина, откровенно желающая секса, должна его получать, плевать, блондинка она, шатенка, рыжая или брюнетка и обладает ли идеальной фигурой. Не то чтобы я такой альтруист и меня вставляет от желания нести всем неудовлетворенным самкам этого мира щедрую дармовую россыпь оргазмов. Не-е-ет! Но особенность асраи заключается в том, что мы в какой-то мере питаемся от удовлетворения противоположного пола. Качество самого факта возбуждения, то бишь было оно естественным или навеянным внушением – пусть я и слышал

что-то о радикальном отличии интенсивности при трахе на волне истинных эмоций, но какой дурак верит в эти сказки – не имеет значения. А вот необходимость фееричного финала – да. Без него секс ощущается как... ну не знаю, отсутствие кожного дыхания у тару-ушти, наверное. То есть легкие сработали, кислород в норме, но полной насыщенности организма нет. По крайней мере, милые змейки, с которыми я шалил, именно так это и объясняли. Так, к чему все это отступление? Да к тому, что в нескольких десятках метров от себя засек женщину, чей внешний вид сработал как жестокий захват на моих яйцах с мгновенным предельным наполнением кровью члена вкупе. Говоря проще – у меня вскочил, по коже побежали мурашки, а все мышцы напряглись в необходимости преследовать сию же секунду. Спасибо Богине, что причина моего внезапного эротического катаклизма двигалась в нашу сторону, а не удалялась, или понесся бы я, высунув язык, как волк из старого местного мультика. А в чем суть остроты реакции? А в том, что есть у меня долбаный пунктик насчет внешности женщин. Не-не-не, не нужно говорить, что чуть выше я упоминал свою неразборчивость. Одно другому не помеха. Употребляю я в больших количествах любых женщин, но вот прям тащусь – с необычных. А незнакомка, шагающая по коридору все ближе, именно такой и была. Бе-е-елая. Вообще. Кожа как алебастр, без единой кровиночки или следов румянца, как под толстым слоем пудры, но вот только мое фейринское восприятие четко ве-

щало: ни грамма там косметики. Короткие, едва достигающие скул волосы, брови, ресницы – все едва-едва нежно золотисто-пепельное. И глаза... От взгляда на них меня реально обуяла похоть, ибо такого оттенка я не встречал даже в диком многообразии собственного мира. Лиловый дым, розовато-сиреневая завеса, сумеречно-рассветный загадочный морок... Задумчивое, не замечающее меня наваждение, понятия не имеющее, что любое отклонение от нормы будит во мне необузданное желание познать и облад... Нет, лишь познать, а точнее, поиметь.

– Раффис, как насчет тебе одному посидеть тут верным пс... телохранителем, а я отлучусь по срочной надобности? – пробормотал я, провожая неотрывным голодным взглядом незнакомку-приведение.

Нагнуть ее в здешнем туалете... нет, не нагнуть. На колени поставить и смотреть в эти невообразимого цвета глаза, когда буду кончать. Да наплевать как! Главное, вот прям сейчас!

– Ну надо же, я ошибся! – фыркнул дракон. – Не все женщины, оказывается, действуют на тебя, фейри, одинаково.

– А? – непонимающе зыркнул на него я. – Да пофиг, что ты там имеешь в виду. Так могу я на тебя положиться или нет?

– Да уж будь уверен, что нет ничего, способного отвлечь меня от охраны моей единственной и ее названной сестры. А ты иди, попытай счастья.

– Что это, по-твоему, значит? Счастье в этом деле – мой извечный спутник.

– Угу. Как скажешь, фейри.

Конечно она почувствовала мой взгляд. Нужно обладать толстой кожей радужного змея, чтобы не ощутить, как кто-то совершенно бесцеремонно визуально лапает тебя. Хотя я зашел гораздо дальше простого наглого ощупывания, я уже выбрал для нас позу и практически вставил ей до предела. В одно мгновение выражение праздной рассредоточенности пропало с ее лица, сменяясь настороженным вниманием, отчего и без того четко очерченные скулы еще обострились, придавая ей немного хищный вид. О-о-ох, Дану, мать всего порочного, как же это изменение меня завело! Будто и до того я был едва ли не на грани того, чтобы метнуться и вжать ее в одну из этих идеально натертых стеклянных панелей-витрин и оттрахать на глазах у всех. Ставший вмиг цепким взгляд безошибочно нашел меня как источник излучающегося на нее пристального внимания, сцепляясь с моим на секунду. Богиня, как же все-таки описать этот невообразимый и изменчивый цвет глаз, обрамленный мягким призрачным серебром ресниц, делающим его еще отчетливее? Такой бывает гладкая озерная вода на закате в землях, прилегающих к Сумеречной гряде, но только в те вечера, за которыми следуют дико разрушительные штормовые ночи. Ни за что бы не поверил, что одно изучение оттенков чьей-то радужки способно быть ничуть не менее возбужда-

ющим, чем разглядывания любого другого обнаженного тела в самых соблазнительных позах. Ну да ноггл с ними, с этими охрененными глазами. Губы, ничуть не пухлые по идиотской моде, принятой сейчас в мире Младших, но скульптурно очерченные – вот что тоже притягивало мое внимание, ну и, само собой, внимание моего чрезвычайно оживленного члена. Чуть-чуть розовые, практически едва наделенные цветом, на лице любой другой женщины они бы выглядели совсем не выгодно, болезненно-бледными, но на фоне насыщенно прозрачной белизны ее кожи они являлись маяком, дерзким манком, заставляющим сразу подумать, а соответствуют ли этому же оттенку ее соски. А вслед за этим послушной вереницей скакали мысли-видения, как будет меняться и становиться более насыщенным этот нежный розовый сначала просто от возбуждения, когда я приступлю к наглому совращению, а потом и от терзающих нещадных ласк моего рта и пальцев. Нет, пожалуй, с перепихоном по-быстрому я погорячился. Тогда лишу себя всего этого эстетического удовольствия расписать бледный холст ее тела множеством оттенков – следов своего рта и пальцев. Да-да, я доберусь до тебя и в тебя, мой белоснежный сахарный кусочек, и буду брать долго и обстоятельно, смакуя все вкусовые вариации.

Так, стоп, что происходит?

Вместо того чтобы попасть под впечатление бесстыдно транслируемых мною порочных образов и застыть покор-

ным, готовым к поглощению кроликом, моя белая леди развернулась и двинулась прочь, заметно прибавив скорости по сравнению с тем, как она двигалась до этого. Сорвавшись с дивана, я понесся следом, недоумевая, но не забывая при этом обшарить голодными глазами изгиб ее спины под плотно облегающей серой водолазкой и небольшие, но вызывающие к моим блудливым ручонкам округлости ягодич. И еще ноги в узких джинсах... да, эти превосходные ноги, созданные сжимать кольцом мужскую талию или очень гармонично располагаться на его плечах, но сейчас возмутительно быстро несущие их обладательницу в абсолютно неправильном направлении.

Из бокового прохода торгового центра невесть откуда вдруг стала вываливаться целая толпа молодых и ярко разряженных людей, и моя почти настигнутая секс-добыча нырнула в их гущу, вынуждая и меня проталкиваться следом. Парочка девиц, которых я ни за что не пропустил бы без дозы счастья от Алево в любое другое время, почти повисла на мне, приглашающе взмахивая искусственными устрашающей длины ресницами, оглушая смесью своих примитивных парфюмов и алкоголя и что-то говоря мне. Но я выпутался из их цепких ручонок и почти зарычал раздраженно, заметив, что моя цель скрылась в дверях какого-то ресторана. Отмахнувшись от нежеланных сейчас женских особей, помчался вперед и влетел в зал забегаловки, начав быстро озираясь. Но загадочного объекта моей зверской похоти тут не было.

Расспросы официантов и бармена ничего не дали. Они ее не заметили. Не заметили!!! Ее! Да как можно не заметить такую? На кого тут вообще еще можно было смотреть, чтобы не заметить сверкающую гору жемчуга в человеческий рост, вкатившую на вашу проклятую территорию?

Пометавшись без всякого толку по коридорам и засунув свой нос в каждый магазин и даже примерочную, я, злой и разочарованный, вернулся к сидящему сторожевым истуканом Раффису. И на мгновение мне показалось, что уголок его рта подергивается в издевательской усмешке. Но никаких комментариев и откровенных понимающих улыбок не последовало. Не такой уж и тупой этот дракон.

Глава 3

«Крепитесь». Что это, черт возьми, за слово? Для чего его придумали? Хотя кому-то от них и правда стало легче перенести сбивающие с ног новости? В самом деле? Да ни за что в это не поверю! Или это дурацкое «мужайтесь»? Что за бесполезная хрень, сотрясение воздуха, призванное дать нечто вроде паузы или своего рода оправдания именно тому, кто обрушивает на твою голову тонну дерьма. Типа, он тебя предупредил, совершил обязательный ритуал псевдосочувствия и может больше не задаваться вопросом, как ты уползешь с его глаз, раздавленная в лепешку, с каждой разбитой костью и разорванным органом. В переносном смысле, да, но от этого не менее смертельно раненная.

«Положительная динамика отсутствует». «Локализации, на которую мы надеялись, не произошло, абсолютная невосприимчивость к медикаментозному воздействию, поразительно сложный случай». «Оперативное вмешательство в условиях отечественных клиник не гарантирует даже пятьдесят процентов успеха и сохранение нормальной двигательной активности. В лучшем случае – инвалидное кресло до конца дней».

Как, скажите, как у кого-то в двадцать шесть лет инвалидное кресло может быть лучшим случаем развития хода жизненных событий?!

«...Лишь одна клиника в Израиле, где вам дадут гарантию в восемьдесят процентов благополучного исхода операции... примерно десять с половиной миллионов рублей...»

Ну и с какой, на хрен, стати медицина в моей родной стране гордо именуется лучшей в мире, а гребаные врачи – светилами. За какие такие заслуги, если и я, и сотни других вот таких неудачников должны искать деньги и везти их забугорным ремесленникам, которые с легкостью дают гарантии – те самые, в каких мне отказывают на родине. Такое чувство, что обозванное тут сложнейшей филигранной операцией, там могут сбачать чуть ли не на коленке, только плати! А что? Делов-то: вскрыл чью-то черепушку, выдрал ненужное, заделал дыру, взял десяток лимонов. Все, следующий! Может, у наших пресловутых светил какой-то стговор об откате с этими иностранными конвейерщиками? У нас-то медицина бесплатная, и ореол святости бескорыстной помощи нищим соотечественникам может повредиться от озвучивания ценника, а так все шито-крыто...

Господи, что только в голову лезет от обиды и злости на судьбу! Вот почему я? В чем виновата? Ну, хорошо, в свете общепринятых норм морали и для уголовного кодекса виновата, но небось брали мы не у бедных, да-а-алеко не последнее и совсем не у паинок. Зажравшиеся чинуши, их пафосные любовницы, «простихосподибизнесмены», они же бывшие криминальные авторитеты. Как раз те самые, из чьих домов... да, ладно, дворцов вывозят бабки всех номиналов

и государственной принадлежности гребаными «Газелями». Так почему тогда? Бессмысленный вопрос. Гораздо более насущный: где взять три ляма за два месяца, что озвучил мне доктор, до начала последнего отсчета, после которого и зарубежные лекари мне гарантировать ничего не смогут.

Я поморщилась, в очередной раз досадуя, что поперлась в этот мегасупергигантский торговый центр всего лишь за чертовыми полотенцами и всякой мелкой кухонной утварью. Можно же было все это бытовое барахло заказать и по интернету или купить в любом магазинчике поменьше, пусть и дороже. А все моя, со времен нищенского самостоятельного существования накрепко впитанная черта – никогда не расфискивать деньги, когда можно сэкономить, даже если нужды в этих самых средствах ты уже давно не испытываешь. Ну да, меня в полной мере можно назвать прижимистой... или даже скупердьяйкой, мне пофиг. Проблемы обычно в этом не вижу, но вот сейчас... Бреду по хренову бесконечному коридору, где народу, как в проходах муравейника, и все галдят, мельтешат, толкаются, смеются, живут себе беспечно, а после приема у врача мне хочется оказаться в клятой пустыне, где на километры ни одной живой души, и спокойно упиваться там жалостью к себе, ни на кого не отвлекаясь.

Чужой пристальный взгляд я засекала, когда почти доплелась до входа в «Икею». Так, и что тут у нас? Атлетически сложенный, явно немалого роста блондин-красавчик, чуть ли не возлежал, вальяжно развалившись на черном кожаном

мягком диване, широко раздвинув свои мощные бедра, и паялся на меня, не отрываясь.

Рядом в деревянной позе с идеально прямой спиной сидел еще один блондин, но не такого мощного сложения, и до моей персоны ему не было никакого дела, похоже, он не сводил глаз с входа в бутик белья. Я чуть замедлилась, выжидая, не отвернется ли первый. К тому, что на меня обращают внимание прохожие, когда я никак не стараюсь замаскировать свою внешность, давно привыкла. Мне это любопытство всегда представлялось чем-то сродни интереса к чему-то диковинному, вроде страхолюдных кукол Монстер Хай или жутких зверюшек, не соответствующих всеобщим канонам милоты. Смотрят и передергиваются, кто про себя, а кто, не стесняясь, и в лицо, типа, «славатегосподи, что я не такой». Но вот взгляд блондина был другим. Опасным. Поглощающим. И что уж совсем невероятно – восхищенным и вождедеющим. Чушь и глюки. Он не только не отвернулся, а еще и стал плавно подбираться с моим приближением, будто готовясь к атаке. С какой стати? Кем он может быть? Не полицейский, это точно. Мало того, что мы с Коксом в курсе личностей следаков, работающих над делами и на родине, и за границей, так еще и упакован этот тип был по высшему разряду – госслужащему точно подобный прикид не по деньгам. Одни шузы вон, сто процентов ручной работы от лучших европейских мастеров, стоят целое состояние. Частный сыщик? Кто-то из службы безопасности обобранных на-

ми с Коксом крутых дяденек? Вряд ли. Перед тем, как повернуть свои дела, мы всегда тщательно готовились, изучали всех приближенных и вхожих на интересующую нас территорию, их личности, распорядок жизни, вплоть до того, что и где едят и с кем спят, тайно или явно. И вот этот мужской экземпляр, я бы точно запомнила. Такого не пропустишь, если ты зрячая и предпочитаешь в постели не девочек. Итак, он не из чьей-то охраны, которую мы поимели своими фортелями. Но вполне может быть гребаным охотником за нашими отчаянными задницами, посланным по следам, дабы найти, поймать и покарать за дерзость, исполняя волю некоей обиженной обворованной шишки, пренебрегая законными методами. А это очень-очень плохо. Гораздо хуже, чем даже оказаться пойманными копами. Конечно, в тюрьму мне не хочется, да и кто туда стремится, но лучше уж за решетку, чем в лапы какому-нибудь наемному мстителю, что заставит долго помучиться, прежде чем прикопает где-то в леске.

Решив, что свалить от греха подальше – это всегда верное действие для мне подобных, вне зависимости от того, реальна угроза или воображаема, я резко поменяла направление, даже не пытаясь замаскировать свое бегство под что-то другое. И тут же убедилась в правильности выбранного поведения, как только блондин сорвался следом за мной. Твою же мать, какой он все-таки здоровенный бугай! И как двигается! Стремительно, ловко, словно и пола не касается, с потрясающей для такого громилы грацией уклоняясь от столкно-

вений с прохожими. И все это продолжая удерживать на мне свой взгляд, точно он был крепким связывающим нас канатом. Каждый раз, когда я оглядывалась, натыкалась на эти безошибочно нацеленные, зеленющие глаза. Мой преследователь был настоящим бойцом, смертоносным и беспощадным – вот какая мысль осенила меня, пока я ныряла между людьми и сворачивала за углы. Против такого никаких шансов с моими-то посредственными навыками самообороны. Неужто добежалась я? Нет, ну не безумец же он, чтобы хватать меня на людях в открытую и тащить куда-то. Камеры опять же. Ну, а, с другой стороны, если нас сразу никто не остановит, то кто потом станет мое брэнное тельце искать? Только Кокс, и то по своим каналам, со стороны ментов моему преследователю опасаться нечего. Еще раз глянув через плечо, я осознала, что этому локомотиву в человеческом теле, что несся за мной, вообще, наверное, бояться никого не приходилось. Господи, успеть бы звякнуть Коксу, чтобы поберегся, раз мне уже кранты... А вот и нет.

Я увидела вывеску средненького ресторанчика и заметила дверь, открытую в подсобку, а там и следующую, скорее всего ведущую в склады или на парковку. Ошибусь – окажусь в ловушке, но не до жиру. Пронеслась мимо персонала так быстро, что они толком и разглядеть меня не успели, уж я-то в этом разбираюсь. И-и-и, бинго! Вторая дверь выходила в невзрачный коридор со всякими воздуховодами под потолком, а потом и на парковку. Не сразу сообразила, где в этом

море тачек моя ласточка, но сориентировавшись, мигом добежала до нее и стартанула оттуда с визгом покрышек, проклиная весь бытовой хлам в мире вместе взятый.

Долго приглядывалась по зеркалам, нет ли блондинистой громадины на хвосте, нагло подрезая недовольно сигналящих и показывающих непристойные жесты водителей, кружила по городу и только через час более-менее успокоилась и поехала к нашей с Коксом квартире. Ну как нашей... он арендовал эти роскошные и очень недешевые апартаменты, а я так, прицепом. Моя скупердйская душонка восставала против такого транжирства просто ради крыши над головой. Вот зачем нужна квартира едва ли не на весь этаж, если мы вполне себе нормально раньше жили в двухкомнатных? Чтобы пыль в глаза пустить всем тем телкам, которых он день через день таскал сюда? Или чтобы хватало места для тех вечеринок, что он закатывал по выходным? Впрочем, это его дело, на нашу дружбу и совместную «работу» ничего из этого не влияло. К тому же на совместном проживании настаивал сам Кокс, испытывая комплекс старшего бдящего за мной брата, а разве я дура отказываться от халявного жилья? А то, что продуктами и бытовыми мелочами приходилось обеспечивать нас мне, не напрягало.

Уже когда влетела в лифт, зрение стало искажаться, свет ламп начал расслаиваться на весь радужный спектр, ясно предупреждая о приближении приступа. Дверь кабины, бывшая всего на расстоянии вытянутой руки, вдруг показалась

безумно далекой. Тихий скрип механизмов буквально резал слух, заставляя втягивать голову в плечи.

– Ко-о-окс! – закричала я, вваливаясь в квартиру, и тут же была вынуждена отвернуться. Даже с подпорченным восприятием перспективы мне не хотелось видеть голого друга, долбящего какую-то девицу в весьма причудливой позе, не сразу и поймешь, в какое естественное отверстие. Черт, как же я могла забыть, что он предупреждал меня не возвращаться до шести. Ну что у него за пристрастие к сексу на грани эквилибристики в любых местах, кроме постели и его спальни? Как он вообще находит баб, желающих в этом поучаствовать, учитывая, что все его связи одноразовые?

– Снежка, ну я же просил! – без особого раздражения пропыхтел он, похоже, и не думая останавливаться на полпути к оргазму. Его партнерша, судя по всему, меня даже и не заметила или не сочла нужным отвлекаться от своих истошных воплей, что указывало на то, что рот у нее, по крайней мере, не занят.

– Прости, но мне, блин, очень надо с тобой поговорить, – пробормотала я, стараясь удерживать свой взгляд строго на расплывающемся сейчас коридоре к спальням, преследуя сразу две цели: не сбиться с пути и не рассмотреть лишнего. Почему гребаная мебель и интерьер расплываются, а вот два обнаженных тела совсем нет?

– Дай мне пять... о-о-ох, блин... кайф... детка, как хорошо ты там сжимаешь... у-у-уф-ф-ф... нет, пару минут! –

пробубнил Кокс, постанывая, и в этот момент я впоролась бедром в долбаную тумбу слева от входа в коридор, сшибая чертову бесценную вазу, которую мой сожитель и поделеньник захватил в одном из обчищенных домов из соображения «просто так, пусть будет». Практически наощупь, я все же продолжила путь куда надо, чувствуя, что волны головной боли накрывают все круче и круче, но сзади наступила тишина.

– Гадство, Снежка, зараза, почему мне не сказала, что тебя прикрутило опять? – Сильная рука друга обхватила меня за талию, поддерживая и направляя.

– Ты, мать твою, голый же! – зашипела я, стараясь не думать, где только что побывала удерживающая меня от падения конечность.

– Да тебе-то и в обычное время до моего роскошного тела дела нет, а сейчас и при желании не рассмотришь, – фыркнул он и уже просто подхватил и донес до моей комнаты, укладывая на постель.

– Это не меняет того факта, что я об этом знаю и буду потом вонять сексом, – уже откровенно пронила. Хотела приподняться и нашарить в тумбочке таблетки и всегда припасенную бутылку воды.

– Лежать, сказал! – цыкнул Кокс, сам подал все нужное и придержал голову, пока глотала и запивала.

– Зайчик, ты не сказал мне, что у тебя есть подружка, которая нам все обломает! – недовольным голосом проямли-

ла чрезвычайно гибкая гостя нашей квартиры.

– Зайчик? – тихо хрюкнула, тут же схватившись за виски. – А я всегда думала, что ты гребаный кролик-энерджайзер.

– Милая, вернись в прежнюю позицию, – похабно хмыкнув, велел сюсюкающим голосом Кокс. – Я вернусь через минуту и продолжим с того же места.

– Боже, скажи, что ты не сидишь прямо сейчас, сверкая стояком на моей постели, чертово ты похотливое животное! – простонала я, не в силах рассмеяться нормально и накрывая горящие глаза ладонью.

– Не скажу, раз ты настаиваешь. Так что там за срочность?

– Сегодня в торговом центре за мной гонялся мужик, – сообщила, прислушиваясь к и не думающей отступить мучительной пульсации в голове.

– Симпатичный хоть? Неужели в кои-то веки это мне придется тебе хату освободить для всяких непотребств?

– Придурок! Я серьезно. Он был похож на профи – бывшего вояку или настоящего охотника за головами, у меня от него аж мурашки по всему телу были!

– Ты не напридумывала себе? Мы вроде нигде пока сильно не наследили. – Тон друга сразу стал серьезным.

– Нет, у меня, конечно, есть зачатки паранойи, связанные с нашим родом деятельности, но он реально гнался за мной и выглядел так, будто живьем сожрать собирался.

– Мля-я-я... Думаешь, пора нам менять место жительства

и все контакты?

– Не исключаю такой необходимости. – Лекарства начали работать, и язык мой стал заплетаться.

– Это из-за того, что перетряслась, тебя сейчас так бомбанило, Снежка? – заботливо погладил Кокс меня по запястью.

– Не только. Похоже, пора тебе подбирать другого партнера для работы, братец кролик.

– Чё городишь-то? – возмущенно рыкнул он.

– Ты знал – я от тебя ничего не скрывала, – стараясь не поддаваться эмоциям, рассказала о своем посещении онколога и его вердикте.

– Ой, блин, нашла проблему! – фыркнул друг нарочито легкомысленно, но я уловила дрожь неуверенности в его голосе даже в таком состоянии. – Я мигом найду нам заказ пожирнее, и раздобудем тебе эти три ляма, как два пальца об асфальт.

Спорить я не собиралась. Кокс – криминальный гений, бесспорно, но настолько жирный заказ нужно искать месяцами, а готовиться к нему иногда и еще больше. Мало того, что у меня нет этих месяцев, так еще, если приступы учаstятся и усилятся, из меня поделщик никакой. Только обуза и подстава. Да и в случае везения с деньгами не обязательно операция пройдет удачно и я смогу вернуться к прежней жизни. Господи, а что тогда буду делать? Я же ни черта не умею, кроме как воровать.

– Так, спи, Снежка, – деловито велел Кокс, вставая с по-

стели. – Давай приходи в себя, и будем тебя спасать. Мне никакой другой компаньон в наших грязных делишках и на хрен не нужен.

Тихо стукнула дверь, закрываясь и донесся уже приглушенный голос друга.

– Детка, облом, одевайся и на выход! У Зайчика есть срочные дела.

Глава 4

– Мне чудится, или на твоей вечно самодовольной физиономии сейчас мрачное выражение, асраи? – с нескрываемым ехидством поинтересовалась Эдна, сияя такой лучезарной улыбкой, будто архонт осыпал ее драгоценными подарками с ног до головы.

Хотя на побрякушки этой про... своеобразной женщины не всегда было плевать. Такой сытой кошкой она выглядела только по утрам, выбравшись из постели своего неутомимого супруга. Я хмуро глянул на нее через стол, терзая жаренные на огне ребрышки в своей тарелке. Такое впечатление, что они от дварфа, подошедшего своей смертью от старости, а вовсе не от молодой свиньи! Завтра же откажусь от этого поставщика продуктов, негоже даже такой язвительной сте... драгоценной беременной супруге самого деспота есть эту гадость!

– Да ладно, Алево, расскажи мне по-дружески, что или кто сотворил твое паршивое настроение! – не думала оставить абсолютно недостойную обсуждения тему Эдна. Вот верно говорят, что недотрах делает женщин невыносимыми, а беременным это присуще вдвойне. И почему я только согласился участвовать в этом скучнейшем путешествии? Ах, да, выбора-то у меня не было.

Илва, по своему обыкновению, сидела с каменным лицом,

методично поглощая ужин, а вот дракон заерзал и прочистил горло. Я сверкнул на него предупреждающим взглядом, и ящереныш невинно пожал плечами, ухмыльнувшись лишь уголком рта. Ну-ну, кто бы тут еще злорадствовал, но только не носитель самых синих яиц современности.

– Хочешь наградить этого кого-то или попросить поделиться опытом, монна Эдна? – осведомился я скучающим тоном.

– И то и другое не исключается, но гораздо любопытнее мне было бы узнать, не в женщине ли причина.

Не в женщине, не в женщине, нет! Потому что мое белое наваждение не может быть реальной женщиной, которая вот так просто взяла отвернулась и сбежала от меня. И это тогда, когда я ее буквально поливал магией притяжения на полную катушку. Нормальная женщина уже упала бы на пол, сдирая с себя тряпки. Она точно какой-нибудь местный призрак! Иначе никак.

Принц Раффис опять издал какой-то невнятный звук, и обе псевдосестры вскинули глаза на него.

– Быть такого не может! – хохотнула Эдна, и даже в ладоши хлопнула, будто ребенок, получивший самый желанный подарок, причем, не дожидаясь никакого праздника. – Вот это потеха! Колись, Раффис.

Я вложил в свой взгляд всю возможную убийственность, но это оказалось бесполезно. Живая сосулька Илва отмерла и, подняв в изумлении брови, уставилась на этого своего ни

в чем не способного ей отказать рептилоидного подкаблучника.

– Да ладно? – скупой улыбнулась она, и дракон наверняка кончил от этого в штаны. Мысленно, естественно, ведь физически неудачнику это пока недоступно. Ха-ха. – Поведешь нам об этом, принц?

Ну все, быть мне сегодняшним посмешищем, потому что теперь нет такой угрозы, что заставит размазню Раффиса промолчать. Как же, сама его Единственная просит рассказать, как насмешник асраи остался ни с чем, кроме разве что стояка. Ну и позорище! Окончательно потеряв аппетит, я отпихнул от себя тарелку и откинулся на спинку стула, располагаясь поудобнее, и вперился взглядом в огонь пылающего в главном зале камина, удерживая самую равнодушную мину, на которую был способен. А способности мои почти безграничны.

– Сегодня в том огромном торговом ряду глубоко мною уважаемый асраи Алево преследовал одну женщину, – начал принц.

– Не такой уж я для тебя и уважаемый, если ты решил свой рот раскрыть, – пробормотал я себе под нос.

– Прости, асраи, но просьба Илвы для меня превыше всего остального. К тому же я не вижу ничего предосудительного в том, что прекрасной местной монне удалось настолько захватить твое внимание.

– Не монне, дракон. Тут их зовут телками, чиками, дет-

ками, красотками, ну бабами, в крайнем случае, – поправил принца, злорадно представив, как он назовет так однажды Илву в момент нежности. Даже настроение слегка улучшилось.

– Боже, не вздумай запоминать ни одного этого слова, Раффис! – Эдна наградила меня очередным гневным взглядом. – И ты точно уверен, что внимание нашего... хм... чрезвычайно эстетически невзыскательного асраи привлекла определенная женщина, а не просто первая попавшаяся, показавшаяся максимально доступной?

– А что, оказывается, бывают еще и какие-то другие? – деланно изумился. – Вот уж я на такую бы взглянул.

– Ты смотришь на нее прямо сейчас, – ухмыльнулась Эдна.

Ой, как будто я пытался ее когда-то соблазнить, но потерпел неудачу! Не то чтобы мыслишек не пробежало, но тут бы просто переломами и отрыванием заново отрастающих конечностей не обошлось бы, так что на том и закончилось.

– Да, монна Эдна, я абсолютно уверен, что это была конкретная женщина, и не будь я безоговорочно предан монне Илве и очарован ею безвозвратно, я бы тоже нашел ее достойной внимания.

Теперь уже и Илва отодвинула свое блюдо и откинулась назад, прищуривая свои вечно безжизненные глаза.

– Однако... Мне прямо-таки не терпится узнать, что за особа невообразимой красоты настолько впечатлила столь

разных мужчин, – произнесла она обманчиво спокойным тоном. Меня не проведешь, нотки бабской ревности я улавливаю безошибочно, как бы их ни маскировали. Ну дракон, ты мне отныне должен, и я придумаю, как донести до тебя насколько.

– Ка-хог. Вот она кто, – ответил наивный дракон, совершенно не понимая, что сейчас дразнит свою зазнобу.

– Ка-хог? Как это? – заинтересовалась Эдна.

– Надо же, – поджала губы Илва, – огромная редкость в мире Старших.

– Мне кто-нибудь объяснит? – перевела глаза супруга архонта с названной сестры на Раффиса, видимо, улавливая уже напряжение. – Что в них особенного?

– Ничего, кроме чрезвычайно экзотичной внешности, я полагаю, – заметила Илва, – но ведь, как ты и упомянула, монна Эдна, мужчины – существа, не обладающие слишком глубоким и взыскательным вкусом, так что находят это достаточной причиной, чтобы сгорать от вожделения. Я насытилась и покидаю вас. Пора спать.

И ускользнула из зала прежде, чем растерянный ящеренок успел выскочить из-за стола.

– Я чем-то рассердил ее? – беспомощно глянул он на Эдну. – Но чем?

– Ты вслух посмел восхититься красотой одной женщины перед другой, дружок, – хохотнул я. – Запомни, их это бесит, сколько бы ни убеждали тебя в обратном.

– Но я же... просто объяснял! Отвечал на ее вопрос!

– Вот теперь иди и продолжай объяснять под ее дверью.

– Ничего подобного! – неожиданно удивила меня Эдна. – Считаю, что немного ревности моей сестрице не повредит. Твоя тактика тотального обожания и угождения ей не срабатывает, принц. Скажу честно, она бы и со мной не сработала. Нас, девочек, нужно иногда чуточку подтолкнуть и напомнить о конкуренции.

– Какая конкуренция? – выкатил глаза Раффис. – Нет у моей единственной никакой конкуренции.

– Ой, ладно, не будь таким нудным и дотошным, принц. Пусть Илва подумает в этом направлении хотя бы до утра.

– Ну... хорошо, – не слишком уверенно согласился дракон и побрел из зала. Вот могу поклясться, что так и будет до утра шляться неприкаянной тенью под дверью своей сосульки.

– Итак, кто же такие эти ка-хог, асраи Алево? – На лицо супруги повелителя вернулось ехидно-предвкушающее выражение.

– Хог, монна Эдна, – чрезвычайно редкий вид минерала, рождающегося в раковинах моллюсков далеко за границей Восточной гряды. Аналог в мире Младших – жемчуг, хотя, как и все родом из вашего мира, он не может и близко сравниться по великолепию с хог. А вот «ка-хог» принято называть женщин и мужчин, явившихся на свет такими же прекрасными и белоснежными, как хог, причем вне зависимо-

сти от расы.

– Белоснежными? – задумалась она. – То есть альбиносами или просто очень светлыми блондинами?

– Скорее первое, – выдавил я, злясь оттого, что снова вспомнил, как шла по тому коридору моя беглянка, вся в сиянии своего белоснежного, сворачивающего в узел мои яйца великолепия.

– Хм-м... ты увидел вот такую женщину-жемчужину, и она так впечатлила тебя, что ты бросился сломя голову ее преследовать? И чем же все закончилось?

– Ничем, монна Эдна. Я рассмотрел ее поближе и понял, что ей так же далеко до истинной ка-хог моего мира, как и всему местному, – не моргнув глазом, соврал я, скорчив пренебрежительную гримасу.

– Кто здесь говорит о ка-хог? – спросил архонт Грегордиан, заполняя своей массивной фигурой почти весь дверной проем в зал.

– Боже, ты меня напугал! – схватила за сердце Эдна и тут же, опомнившись, бросилась ему на шею, а я язвительно ухмыльнулся. Вообще-то, думал, деспот продержится еще денек-другой, прежде чем явиться и требовать свое.

– А я тебя предупреждал, что буду являться в любой момент, когда мне понадобится моя женщина, – заурчал Грегордиан заполучившим добычу в свои лапы хищником, кем он, собственно и являлся, и без всякого стеснения стиснул задницу жены сквозь платье.

– Тогда что-то долго ты во мне не нуждался. – Супруга игриво укусила его за подбородок.

Зависть и накопившаяся неудовлетворенность позорно перекосили мою физиономию. Ну что, во имя вонючих демоновых копыт, за нежности? Неужто обоим не наскучило? Хотя если в их случае им однажды наскучит, то я смогу констатировать факт неизбежного хода событий в жизни, но, как ни странно, буду разочарован.

– Ну, на этом я вас, пожалуй, покидаю, – сказал, зная, что меня уже никто не слушает. У меня есть чем заняться. Пока деспот тут, могу выскочить на пару часиков и унять зуд. Сегодня это будет очень-очень светлая блондинка. Да-а-а!

Глава 5

Когда я наконец проснулась, за окном было еще светло. Или уже опять светло? В последнее время мои выпадения из действительности после приступов длились все дольше, а сами приливы невыносимой боли и потеря ориентации случались при каждом стрессе. Доктор говорил, это связано с повышением давления и еще с выбросом чего-то там в кровь – не суть. Радовало лишь то, что непосредственно во время наших с Коксом «рабочих» вылазок ничего подобного со мной еще не происходило. Очевидно, потому, что готовились мы всегда настолько тщательно, просчитывая все возможные форс-мажоры, и действовали за эти годы с другом-подельником настолько слаженно, что дергаться вообще не было причин.

Как всегда после возвращения в реальность без боли есть хотелось до тошноты, ну или банально тошнило от голода. Быстро приняв душ и накинув халат, прошлепала в гостиную, где и обнаружила Кокса, уткнувшегося в экран ноутбука и что-то печатавшего на такой скорости, что стук клавиш сливался в сплошной цокающий гул.

– Ты ел? – просипела, уже и так зная ответ.

Когда этот парень углублялся в поиски заказа и обсуждение его подробностей, все его внимание концентрировалось исключительно на процессе, и вполне можно было нарваться

на грубость, пытаюсь его отвлечь. Что касается тщательности подхода и дотошности в каждой мелочи, а главное, гарантий нашей безопасности и того, что нас не кинут, – он хренов маньяк. И поэтому лучший.

– М-хм-мм... я занят, – раздраженно пробормотал он, взъерошенный, с красными глазами и одетый в одни свободные спортивные штаны, сто пудов на голое тело.

– Ясно.

По-быстрому организовала себе полужидкую болтуню, ему я приготовила, как он любил: мелко настрогала и так тонюсенький бекон, зажарила его до кондиции похрустывающих шкварок и только потом аккуратно вылила яйца, дав им дойти чуть ли не до состояния жесткой подошвы. Гадость, по-моему, жуткая, но Коксу нравилось только так. Холестерин рулит! Порезав полурезиновую яичницу на куски и прихватив обе тарелки, уселась рядом с ним на диване и начала есть сама и кормить с вилки его, не обращая внимания на гневное шипение и ворчание. Когда процесс поглощения завтрака был почти завершен, Кокс неожиданно психанул.

– Да ты, мать твою, долбанулся, что ли! – заорал он в экран, видимо, своему виртуальному собеседнику. – Мы такой херней не занимаемся!

– Что такое? – подняла я выпавшую с перепугу из рук вилку.

– Да этот мудень, берега попутавший, совсем умом поехал! Предлагать такое! Мы, по его мнению, кто? – продол-

жил бушевать Кокс.

– Жду-не дождусь нормального объяснения, – откинулась я на спинку дивана и поджала ноги.

Спонтанные вспышки бешенства давнего друга иногда могли чуть напугать меня, но я знала, что по натуре он добряк, пусть и циничный, но отходчив и рассудочен, а значит, долго такое состояние никогда не длилось. Всегда просто нужно переждать.

– Прикинь, Снежка, этот debil предлагает мне всю нужную нам сумму и даже пол-ляма сверху за похищение человека!

Я моргнула удивленно. Потерла нос. Засмеялась бы абсурдности прозвучавшего в принципе, да только тема как-то к веселью не располагала. Даже к язвительному.

– Ерунда какая-то. Все в курсе, что за такую херню мы не беремся. За кого он нас держит? – Внутри стало закипать. Мы не паиньки, конечно, но красть вещи, пусть и безумно редкие и дорогие, вдохновенно имея при этом весьма опасных их владельцев, – это одно, а вытворять то же самое с людьми... нет уж, на хрен! – Сто процентов есть достаточно отморожков, кто запросто на такое пойдет.

– Угу, есть, – мрачно подтвердил Кокс и, спихнув с колен гаджет, вскочил и начал расхаживать по комнате, изредка бросая короткие взгляды на меня.

– Ну и? – приготовилась я к дурным новостям, прекрасно понимая, что эти метания Тигрожайца в клетке неспроста.

– Такое дело... Короче, я и сам бы даже и обсуждать не стал, но... других путевых заказов нет, Снежка, – пробормотал на выдохе друг, виновато и раздосадованно одновременно, и с усилием потер лицо, так рьяно, что даже отросшая за сутки щетина зашуршала. А мне вот вдруг подумалось, насколько давно я не ощущала этого – раздражающе-возбуждающего царапанья колючей мужской щеки или подбородка на своей коже. Нет, к небритости конкретно Кокса это не имело никакого отношения, потому как... фу-у-у, думать о нем в сексуальном плане для меня практически противоестественно, почти гребаный инцест... Это была мысль просто из разряда «Будет ли у меня это еще? Успею ли?». Не с кем попало, лишь бы взять хоть что-то, пока еще все чувства принадлежат мне и не затуманены болячкой...

– Я уже все и повсюду перерыл – мертво, – не дал мне погрузиться в вопрошение о перспективах у Вселенной Кокс. – И в ближайшее время по нашему профилю ничего стоящего не намечается. Одна мелочевка, на которую и заморачиваться не будем.

– Ладно, время-то есть еще, – слабо улыбнулась, холодея внутри. Сколько бы я себя ни убеждала, что не нужно надеяться, но все равно, оказывается, делала это. Иначе откуда эта горькая волна обреченности, накрывшая внезапно с головой. – Немного времени.

– Ты сказала – чем дольше тянуть, тем меньше шансы, – возразил Кокс, не встречаясь со мной глазами.

– Сказала... Но, Кокс, ты сам прикинь! Похитить человека! Это не про нас, ни за что и никогда! Нет!

– Слушай, Снежка, я не спорю – это дикость для нас, конечно, – внезапно опять перешел он на крик, похоже, пытаясь так заглушить мои страхи, но, к сожалению, не мог сделать этого даже со своими. Паника звенела в его голосе слишком отчетливо, сколько ни перекрывай ее брутальным рычанием. – Но, мля, если больше ничего? Как думаешь, если выбор стоит между тобой и каким-то незнакомцем, кого я выберу?

– Да откуда ты знаешь, вдруг это хороший человек, а мы поспособствуем тому, что с ним сделают нечто ужасное? – возразила упрямо. Вот что я делаю? Пытаюсь убедить единственного человека на всем свете, которому не плевать на меня, что его подход к моему спасению порочен? А я кто сама? Сраная Дева Мария?

– За хорошего человека столько не отвалят, не будь наивной, Снеж, – на удивление терпеливо возразил Кокс. – Наверняка за него собираются попросить выкуп запредельный, а значит, у него есть бабки. Очень-очень много бабок.

– Это не делает его дерьмом по умолчанию, – вздохнула я.

– И это ты мне говоришь? За эти годы много ты среди наших «клиентов» встречала хороших людей?

Ладно, не много... вот прямо вообще не много, но...

– А что, если это женщина, которую хотят продать в сексуальное рабство? – Внутри опять все застыло и окостенело

при воспоминании о том трахнутом на всю голову уроде, что лет пять назад предлагал Коксу кучу денег за возможность «арендовать» меня на недельку для себя и своего какого-то подпольного клуба извращуг. Как же меня тогда клинануло, но со временем перестала так реагировать. На белом свете хоть задницей ешь всяких богатых долбаков, которых тянет на что-то «эдакое», как обычное наскучит. Ну вот угораздило меня уродиться фриком и привлекать их внимание, что на это заморачиваться-то? – Я на такое за все деньги мира не подпишусь!

– Да фигня! Кто за бабу столько забашляет, Снежа! – презрительно фыркнул Кокс и тут же виновато покосился: – У нее должна быть бриллиантовая... кх-х... короче, это минимум дочь президента или известная актриса должна быть.

– Не будь таким скотиной!

– Я и есть скотина, но реалист. Это однозначно не баба. Меня другое смущает, – снова потер он лицо с характерным скрипом.

– М?

– Если за этого чела так готовы озолотить, то почему на дельце и в самом деле до сих пор не подвизались какие-нибудь группировки, у кого похищения людей как раз по профилю? Тот же Шамиль со своими отморозками или Арам? Что-то тут нечисто.

– Тогда это еще один довод в пользу того, что нам в это встревать не стоит, – с обманчивой легкостью подвела я чер-

ту под обсуждением. – Даже обсуждать это смысла нет.

– Снежка, я буду, блин, обсуждать любой вариант, который даст нам нужную сумму, понятно? – Ну он бы еще ногой притопнул для вескости звучания. Обожаю этого парня! – И почему я такой осел и транжира по жизни? Если бы не спускал все на понты и телок, то у нас сейчас и разговора этого не было бы!

Да уж, обожаю большую часть времени, но не в такие моменты его сотрясений мозга совестью.

– Кокс...

– А ты ведь говорила мне, говорила: на хрена тебе эта тачка, или давай снимем хату попроще...

– Ко-о-окс!

– Я слушал разве? Хер там! – Ну все, кой-кого подхватило-понесло. – Только и думал о том, как бы член покруче попарить да выпендриться побольше. Простое шампанское? Не, это же не для меня, надо эксклюзив ваннами... Стриптизерш в желе... на кой? Я их даже не трахал!

Блин, и правда, разве не драма жизни для такого, как он? Ну, то есть он у меня хороший и все такое, но как же это трагично в его исполнении – осознание, что какую-то из влажных дырок он прохлопал!

– Сашка! Прекрати! Я не умираю! – не выдержав, перекричала его прочувствованную речь, приводя в чувство. – Еще.

– Конечно не умираешь. Даже не думай этого делать. Про-

сто... я вот внезапно понял, на какую херню трачу свою жизнь и те самые деньги, которые сейчас так нужны тебе. Живу как ушлепок конченный. Деньги дурные, и сам от них дурак.

А это что-то новое. Случались у него и прежде моменты истины, особенно с большого бодуна, но чтобы вот так...

– Ты заткнешься наконец? – закатила я глаза и, прихватив тарелки, пошлепала на кухню. – Кокс, ты ничего мне не должен! Это твои деньги, и тебе решать, на что их тратить. Моя болячка – это моя проблема.

– Ой, млять, не городи фигни этой, Снеж! – огрызнулся он, сначала увязавшись за мной, но потом резко развернулся на месте и поплелся обратно. – Я буду искать еще, обещаю. Переверну все и поставлю на уши всех. Если нам повезет – будет другой заказ. Но если нет, имей в виду, мы пойдем и упрям задницу этого бедолаги, за которого готовы отвалить нужные бабки, и мне тупо насрать на моральные аспекты и прочее дерьмо! От остального я нас уберегу, Снеж, а ты уж будь так любезна, выздоровей и не смей оставлять меня одного. Ок?

А ведь он боится. Ничуть не меньше меня. Я трясусь от перспективы умереть или стать беспомощным растением, он – от угрозы потери меня, бывшей с ним большую часть сознательной жизни. Пусть корни у наших страхов разные, но это не значит, что ему легче, чем мне. Как бы я себя ощущала, будучи бессильной помочь ему? На что бы пошла ра-

ди спасения и сохранения нашего зыбкого мирка как есть, без фатальных разрушений? Честно? Да, пожалуй, на все что угодно. В задницу совесть и чужие жизненные трудности!

– Угу, – прогундела я через плечо, зная, что фиг от меня в этой ситуации будет зависеть, остаться или нет.

Глава 6

Вернувшись спустя несколько часов, я застал архонта, комфортно развалившимся в огромном кресле перед камином в главном зале дома, и был слегка удивлен. Странно, что он покинул постель своей супруги задолго до рассвета. Да и выражение его лица не излучало той привычной хищной сытости, которая там отражалась обычно после бурной ночи. Оно было скорее таким, как у меня – будто тебя и не оставили совсем уж голодным, но полного насыщения не наступило. Блондинка, которую я «склеил», выражаясь подобно местным, почти моментально, лишь с мизерным применением магии соблазнения, была горяча и готова на все, вот только количество моих потребностей оказалось внезапно не слишком обширным. Быстрого перепиха прямо в одежде в VIP-комнате клуба мне вдруг стало более чем достаточно. Ни продолжить, ни даже раздеть ее у меня желания не возникло. Уверен, что покладистая кошечка пошла бы со мной куда угодно и без всякого ментального воздействия, но после неудачи с моей девушкой-призраком, мне неожиданно захотелось проверить, не растерял ли я по какой-то причине своих способностей возбуждать в женщине дикую похоть силой мысли. Нет, конечно же, не растерял, ни в малейшей степени. Когда я уходил, милашка, имени которой я даже не спросил перед тем, как засунуть в нее член, цеплялась за ме-

ня, убеждала еще повеселиться и клялась в любви до гроба. Но она не была той, кого я желал на самом деле, и замена и отвлечение из нее вышло не ахти какое. Не то. Вся любовь, естественно, развеется до завтра, как только внушение прекратит действовать, а вот приятные воспоминания я ей о себе, безусловно, оставил. Но разве могло быть иначе? Даже случайный трах с таким любовником, как я, особи противоположного пола не забывают. Теперь, ложась под другого, она всегда будет закрывать глаза и представлять на его месте меня. И никогда не получит тех же ощущений. Печально... для нее и многих прочих. Но что я могу поделать с этим?

– Проблемы в раю? – пробормотал, дивясь странной для меня мысли. Охарактеризовать женщину как «не то» – как-то совсем не мое. Что значит, вообще, «не то»? Любая, готовая кувыраться со мной, тем более такая сексапильная и легко заводимая, должна быть «то». И какая, к дварфовой матери, разница, что она не ка-хог!

– Эдне сейчас полноценный сон важнее плотских удовольствий, – немного нахмурившись, ответил деспот, поглаживая тяжелый меч из своей коллекции, собранной во время пребывания в мире Младших.

– Эдне, значит, важнее, – ухмыльнулся я, усаживаясь напротив. – А тебе, мой повелитель?

– А что мне? Разве я живу последний день, чтобы переживать из-за отложенного удовольствия? – пожал он плечами. – Какие-то жалкие месяцы, и моя женщина снова станет

безраздельно моей. Вот тогда и отведу душу.

Я бы мог сказать своему другу и господину, что с рождением младенца во многом все только начинается, а не заканчивается, и не стоит ему ожидать, что все внимание и время Эдны сразу станут принадлежать только ему. Что-то мне подсказывает, что эта женщина не сбросит заботы о своем ребенке на хоть и надежных, но посторонних фейри. Так что Грегордиану придется ждать возвращения Эдны в его единоличное обладание гораздо дольше, чем он рассчитывает. Но лучше промолчу и предоставлю архонту Приграничья самостоятельно постигать все радости отцовства. У него от такой радужной перспективы может случиться приступ дурного настроения, а это бывает чревато для моего общего самочувствия.

– Мне кажется, тебя что-то тревожит, Грегордиан.

– Так и есть, – кивнул он. – Сегодня среди просителей был немолодой асраи. Их семейство на протяжении очень многих лет занимается торговлей и обменом с миром Младших.

– Растрис?

– Да, вроде бы так его и звали. Так вот, сам он уже давно сквозь Завесу с караванами не ходит, передал эту обязанность своему сыну. Но юноша ушел в последний раз в мир Младших и так и не вернулся. Растрис ожидал его еще шесть недель назад по местному летоисчислению, но нет ни каравана с сыном, ни новостей о них.

– А если, парень открыл для себя простоту и доступность

для фейри человеческих прелестниц, по сравнению с нашими заносчивыми и расчетливыми моннами, и слегка забыл о времени? – предположил самое очевидное.

– Я бы тоже так подумал, – кивнул Грегордиан, продолжая хмуриться, – но тут вспомнил, что с точно такой же жалобой ко мне обращался несколько дней назад хийс Зибор. Его брат, изменив облик при помощи манны, также ушел за Завесу по каким-то своим надобностям около трех месяцев назад, но так по сей день и не вернулся, хотя обещал сделать это всего неделю спустя.

– Хочешь, чтобы я занялся их поисками здесь, мой повелитель? – Я оживился – все же веселье какое-то.

– Я хочу, чтобы ты не сводил глаз с Эдны и начал носить с собой оружие. Много оружия. Поиски я найду кому поручить, если, вернувшись и опросив больше фейри, сочту нужным вообще этим заниматься. Причина пропажи этих двоих действительно может быть прозаической, учитывая похотливость наших мужчин. Но все же будь на всякий случай настороже. Я бы с удовольствием просто взял и утащил Эдну домой, но никаких доказательств, что существует для этого разумная причина, у меня пока нет, а без этого она придет в настоящую ярость и обвинит меня в отказе от собственных обещаний.

Да уж, выходит, не так и не правы человеческие идиотские пророки, вопящие о надвигающемся Армагеддоне. Архонт Приграничья Грегордиан говорит о том, что ему нужны ка-

кие-то веские аргументы для супруги, чтобы вернуть ее домой. Аргументы. Ему. Для Эдны!

– Мы все точно умрем, – пробормотал я себе под нос.

– Что?

– А? – натянул я дежурную ухмылку. – Говорю, что отныне монна Эдна станет центром моего внимания, хотя так было и до этого, но я обещаю удвоить свои усилия. Да чего уж там, утроить. Но ведь на самом деле ты хочешь меня попросить совсем не об этом, Грегордиан.

Деспот нахмурился, покосился на вход в зал, кивнул и тут же метнул тяжеленный меч, заставив его воткнуться в стену в том самом месте, где он, казалось бы, целую вечность назад, пришил болтливому королевского гостя. Эх, были же денечки! Кровища, пытки, безудержный разврат в любом уголке этого дома... Это ли не счастье?

– Мне догадаться самому, или ты озвучишь прямой приказ?

Я, естественно, всегда готов угодить любой прихоти моего повелителя, но все эти внутрисемейные интриги – штука настолько скользкая, что участие и помощь легко может выйти мне боком. Супруги всегда найдут способ помириться и договориться, как там ни пойдешь, а вот мне виноватым хоть для одной стороны становиться не хочется. Потому как если это сторона архонта, то будет очень больно, а если сторона Эдны, то... нет, совесть меня не замучает, глупости какие. Просто обиженная женщина при власти, читай: возлюблен-

ная супруга друга и господина, будет также равняться боли, причем при каждом удобном случае, и вылиться это рискует в гораздо более долгие проблемы, чем быстропроходящие вспышки гнева деспота. Короче, злить Эдну в мои планы не входит... что делает меня весьма в этом похожим на Грегориана.

– Нужно сделать так, чтобы Эдна вернулась домой, желательно быстрее, – приказным тоном, но, однако, шепотом сказал деспот.

– Напугать?

– Она беременна, идиот!

– Как насчет устранения самой причины ее тут пребывания?

Никакого чувства вины, между прочим. Эта сосулька с глазами мне ни капли даже не нравилась никогда. Да ее вообще стоило бы пристукнуть в целях гуманизма за непроходящий синий цвет яиц драконеныша. То, что мне нет до него никакого дела, идею межрасовой и межмировой мужской солидарности никак не отменяло.

– Еще совсем недавно я бы и сам не то что два, а и один раз бы не подумал, а сразу избавился бы от Илвы, – недовольно скривился архонт, – но просто исчезнуть ей не вариант. Эдна мне всю душу вымотает, требуя перевернуть оба мира. Убивать девку – опять же Эдна горевать будет, вбила себе в голову, что они сестры почти. Да и не дура моя жена, догадается, откуда ноги растут. Надо придумать что-то потоньше.

Как бы внушить им обоим желание вернуться в мир Старших и больше и не помышлять о длительных визитах сюда?

– Я хорошо знаю, как внушать женщинам желания того порядка, который нам тут не поможет, – с прискорбием констатировал я. – Нужно подумать. Дай больше времени, Грегориан. Что-то должно найтись.

Глава 7

– Никогда не понимал, почему ты продолжаешь ездить к этим, – проворчал Кокс, помогая мне загружать коробки с провизией в багажник моей машины. Ее мы уже на всякий случай выставили на продажу, готовясь к возможной экстренной эвакуации, хотя были у нас моменты, когда транспорт, купленный по очередным фальшивым документам, приходилось просто бросать, благо заработки позволяли купить новый, не особо напрягаясь.

– Снежка, хочешь я с тобой поеду? – наморщил лоб друг, и на его лице прекрасно читалось, насколько он «горит желанием» проехаться к пункту моего сегодняшнего назначения, так что я уверенно покачала головой. – Если эти опять тебя раздергают, приступ же может долбануть!

«Этими» Кокс называл мою мать и младшую сестру, живущих на данный момент в деревне в двухстах километрах от города, где мы квартировались пока. Родители самого Кокса были из соседней «пырловки» того же района, поэтому в свое время мы попали и в единственный существовавший там центр социальной защиты детства, или как он там звался, и позже в детдом. «Сироты при живых родителях» – вот как принято называть таких, как мы. Между прочим, самая нелюбимая категория для других детдомовцев, по крайней мере, там, где мы жили. Мы среди них считались вроде как

ненастоящими сиротами, у нас же где-то все же были родители, а выходит, и постоянная надежда, что однажды они «одумаются и возьмутся за ум» и решат побороться за право вернуть нас домой. Только мы одни и ведали, что бухло и собственное беспроблемное существование нашим, с позволения сказать, родственникам, были гораздо дороже, чем какие-то дети, которые у них зачем-то рождались, мешая им ужасно. Что бы там ни думали о нас другие ребята, сами мы знали, что никто не придет забрать нас, и в отличие от них, у нас даже не было шанса на фантазию, что где-то там есть потерянные близкие, которые однажды явятся и скажут, что мы любимы ими и необходимы им больше всего на свете. Нет, реальность для нас всегда была неприглядна – никаких иллюзий. Поэтому мечтали мы об иных невозможных вещах: вырасти, заработать кучу бабла, стать успешными и свободными, и никогда больше ни в ком и ни в чем не нуждаться. Ни в средствах, ни в красивых дорогих вещах, ни в любви. Это нас с Коксом изначально и сблизило.

– Обещай мне, что если хоть чуть накрывать начнет, ты остановишься и позвонишь мне, – напутствовал меня друг. – Не вздумай терпеть или продолжать вести в таком состоянии. Поняла? Я серьезно, Снежка, лучше сам тебе башку откручу, чем позволю ей рисковать! Не кивай мне, словами говори!

– Да, мамочка, обещаю остановиться, даже если просто покажется прос, что плохее, и вызвать моего героя-спаси-

теля. Доволен?

— Не доволен! Была бы моя воля, я бы тебя вообще туда не пустил! — огрызнулся Кокс, и я, махнув ему напоследок, тронулась. Он к своим не ездил никогда. И не писал. Совершенно не интересовался жизнью людей, променявших его на водку.

А я вот так не смогла. При любой возможности моталась к матери, к которой после детдома вернулась жить моя младшая сестра, возила коробками и ящиками жратву, хотя и не давала ни копейки, как бы они ни просили и ни проклинали после многочисленных отказов. Каждый раз обещала себе больше не возвращаться, не в силах смотреть на этих двух опустившихся, всегда нетрезвых женщин, связанных со мной одной кровью, вечно сменяющихся такого же сорта мужиков в некогда родном доме, но все равно вскоре опять собиралась в путь. Что же, если в ближайшие дни нам с Коксом не повезет с жирным заказом, то это наверняка мой последний выматывающий душу визит.

Все не заладилось с той минуты, как я только открыла дверцу, высматривая, как бы не врюхаться в лужу по колено, выбираясь из машины.

— О, дефективная опять приперлась, мам! — слышался слишком громкий голос моей сестры Катьки из-за низкого, чудом стоявшего еще забора, зияющего массой прорех. — Слышь, ты, благодетельница, если ты опять только жрачку привезла, а не деньги, можешь сразу поворачивать отсюда!

Нам твои подачи с барского плеча не нужны! Не голодаем небось!

Конечно это было наглым враньем, как и всегда. О еде здесь вспоминали в последнюю очередь, даже холодильник, купленный мною, давно пропили, и поэтому я больше не привозила ничего скоропортящегося.

– И тебе здравствуй, Катя, – спокойно ответила я. – Не поможешь багажник разгрузить?

– Если у тебя там нет беленькой или пива на опохмел, то сама и корячься! – презрительно фыркнула сестра и, шатаясь, скрылась в стареньком доме.

Ладно, я ведь не ожидала, что мне хотя бы улыбнутся или спросят, как мои дела, правда? Этого не было никогда. Большую часть моего пребывания мать меня вообще игнорировала, ровно до того момента, как доходила до определенной кондиции и у нее начиналось «время воспоминаний». Точнее будет сказать, время припоминаний, каким уродом и козлом был мой отец, обрюхативший ее и бросивший, и какой дрянью оказалась я, не пожелавшая как-то испариться из ее утробы и тем самым пустившая под откос всю ее жизнь. При всем этом по сей день я так и не знала даже имени донора спермы, зачавшего меня, всего-то и информации – был он красавчиком, каких больше нет, и разбил бедное сердце матери, которое она с тех пор только бухлом и склеивала.

Выгрузив все до единой коробки из багажника на обочину, я спрятала под сиденье сумку с кошельком и картами, не

оставив в карманах даже мелочи, закрыла все двери и заблокировала их. Плавали, знаем. Сама потащила первую партию в дом и привычно скривилась от царившей там вонищи какой-то кислятиной и дешевым табаком. Раньше я еще и субботники тут себе устраивала, стремясь отдраить все, что можно успеть за день. Но потом забила.

– Ма-а-ам! – позвала в дверном проеме.

– Денег привезла? – Родительница сидела за заваленным плесневелыми объедками и окурками столом и потягивала мятую сигарету с видом как минимум императрицы в изгнании. В который уже раз всмотрелась в ее некогда редкой красоты лицо и уже мутные от вечного дурмана светло-голубые глаза, и сердце заболело.

– Я консервы привезла. Много. Меня, наверное, теперь долго еще не будет. – Может, уже никогда.

Пожалуйста, спроси, хоть раз в жизни, спроси, в порядке ли я! Как же я хочу знать, как это – поделиться своей болью и страхом со своей матерью! Поплакать на ее плече, чтобы все самое страшное таким больше не казалось!

– Дались мне твои жестянки! Сама небось такой гадостью не питаешься, а мать с сестрой – нате, жрите! Дрянь неблагодарная! Зачем только тебя мучилась рожала! Чего в роддоме не бросила, уродину дефективную, погань бесцветную!

Слушать такое мне приходилось с малых лет, давно и обижать перестало, но сегодня вскипело.

– Не бросила, потому что надеялась, что мой долбаный

папаша одумается и вернется, а тут ты меня ему и представишь! А он весь такой проникнется и замуж тебя, страдалицу, возьмет, и будет тебе жизнь в шоколаде! – выпалила на одном дыхании и тут же пожалела. Словно полыни полный рот набила. Зачем эта злость? Кому от нее легче?

– В общем так, коробки с продуктами на обочине перед двором! – отчеканила, давая себе обещание, что больше сюда ни ногой. Как бы там ни пошло, хватит с меня. – Захотите – сами заберете. Нет – пусть местные растащат, все хоть кому-то пользой обернется!

Я только собиралась развернуться, как получила мощный толчок в спину и, потеряв равновесие, с маху воткнулась левой стороной лица прямо в помойку, по ошибке считающуюся здесь столом. И сразу же правую руку заломили до искр в глазах и сверху навалилась пылящая и жутко воняющая перегаром тяжесть.

– Держи эту суку холеную, Ванек, крепче держи! – прошипела Катька, бросаясь шарить по карманам моей куртки. – У нее ключи от тачки где-то тут должны быть, а там бабкок наверняка навалом!

Попытки воровства, конечно, уже пережить мне случилось, обижаться на такое, учитывая собственное ремесло, грешно, но вот открытое насилие и нападение – это нечто новенькое. Обманчиво расслабившись под удерживающим меня бугаем, я быстро сориентировалась и, схватив свободной рукой пустую бутылку со стола, шарахнула от души его,

скорее всего, по виску, тут уж как пришлось. Он взвыл и отскочил от меня, Катька с матерью тоже заорали, я, не теряя времени, уложила идиота еще одним ударом, оставившим в моей руке одно лишь горлышко водочной тары. Отшвырнув его, подошла к сестре, отвесила смачную пощечину и убралась наконец к чертям из этого дома навсегда, держась за полыхающую огнем ушибленную скулу и разминая плечо.

Естественно, как бы себе ни внушала, что ничего нигде и не шелохнулось и не больно мне ни капельки, обмануть собственный организм не удалось. Приступом накрывать стало, едва выехала за пределы поселения, но я упрямо тянула со звонком Коксу, пока шел незагруженный участок дороги, но вскоре сдалась. Я в таком состоянии угроза не только для себя, но и для других людей. Нашарив в бардачке таблетки, заглотив и запив их, набрала номер друга, а после перебралась на заднее сиденье, накрываясь с головой валявшимся там пледом. Все, что помнила позже, – злобное рычание Кокса, обещавшего прибить всех к хренам, и поглаживание моего лица. Проснулась я уже в своей постели, как всегда, голодная до тошноты.

– Короче, Снежка, тянуть больше смысла не вижу, – встретил мое появление на кухне Кокс. – Мы беремся за дельце с этим похищением и летим тебя лечить. И мне похер на любые твои возражения, я – главный, я и решаю!

Спорить с ним, когда он выглядел так и говорил таким тоном, – бесполезно. Проверено неоднократно. Временами

милый Зайчик мог становиться деспотичным альфой, и хоть убейся об него – не сдвинешь и на миллиметр.

– Ладно, – смирившись, махнула я рукой. – Какие там у нас вводные? Кого хоть ворует, узнал?

– Давно, вообще-то. Между прочим, презанимательный такой дядька, чисто внешне реально выглядит крутым. Посмотришь? – постучав по клавишам, он развернул ко мне экран ноутбука.

– Да ты издеваешься надо мной! – пробормотала я, едва не выронив свой стакан с водой, уставившись на лицо преследовавшего меня красавчика-блондина, он же чертовски пугающий громила.

Глава 8

Если я думал, что в Тахейн Глиффе после победы над дварфами и свадьбы стало скучно, то в последние дни я должен был взять свои слова обратно, ибо постиг новый уровень этого чувства. Целыми днями таскался за двумя вздорными ба... слегка увлеченными моннами, одна из которых перевозила любую ерунду в мире Младших как нечто необыкновенное, то и дело сыпала историями из прошлой жизни, а вторая внимала ей с таким видом, словно каждая из этих историй была великим откровением. И ладно Илва, но и драконий принц развешивал уши, будто пропустить что-то важное для его Единственной фригидной куклы смерти подобно. Ну просто слов нет, как занимательно постигать процесс покупок продуктов в супермаркете, особенно учитывая, что все можно заказать прямо на дом и причем в готовом виде. Я им еще и конспектировать за Эдной посоветовал бы, да боюсь, так и делают, бестолочи. Даже язвить тут было бесполезно. Какой смысл изощренно подкалывать и виртуозно оскорблять кого-то, если это не задевает одних или совершенно непонятно другим? А я, кажется, стал стремительно тупеть от невольного познания ежедневной людской бытовухи. А вдруг это виноваты проклятые гормоны Эдны, лишшающие способности к острому мышлению всех беременных? Интересно, они, случайно, по воздуху не передаются? Мне

пора носить респиратор или лучше сразу костюмом химзащиты подстраховаться? Потому как эта подлая женская феромоновая атака, похоже, еще влияла и на мужское либидо, если судить по деспоту, а теперь и по мне. Каждую вторую ночь на этой неделе Грегордиан являлся к своей супруге (редкая глупость, поскольку большую часть ночи он проводил вне пределов ее постели), и я отправлялся за сладким в местные клубы, но ни разу мои приключения не переросли в настоящее разнузданное непотребство. Женщины вокруг – прекрасные, доступные, на все готовые даже без усилий с моей стороны – вдруг стали казаться на одно лицо, вкус, цвет и аромат. А я терпеть не могу однообразие. Однообразие – это как если бы каждый день есть одно и то же и спать с одной и той же. И, во имя Богини, это не преувеличение с моей стороны. Еще несколько лет назад все не выглядело настолько уныло в этом смысле в мире Младших. Сейчас же? Одинаковые скулы, брови, надутые губы, ресницы, заставляющие подумать о мохнатых ползучих тварях, прилипших к их векам. Как по одному лекалу сиськи, задницы, тряпки, мимика, манера говорить и сами фразы. Как, пожри их взбесившийся ноггл, я должен чувствовать разнообразие и развлечение, если едва могу отличать этих чокнутых, подражающих друг другу или какому-то общепринятому стандарту баб? Я даже не мог с абсолютной достоверностью сказать, кого из них я имел, а кого еще только собирался. А еще этот странный отталкивающий запах ненатуральности, который появ-

лялся у прелестниц, помещавших в себя то, чего в их теле не должно находиться от рождения. Краски и яды в кожу, нечто омерзительно искусственное в губы, груди, ягодицы... Человеческим мужчинам его не уловить, не распознать, но я его ощущал сразу же, и никакими духами он не маскировался. Такого даже моя тотальная неразборчивость не выдерживала. Можно было, конечно, поохотиться в других местах, в тех же магазинах, по которым Эдна таскала Илву, просто на улице, но после предупреждения Грегордиана смешивать дело и развлечения я не хотел. Впрочем, столкнусь я снова с моей призрачной леди, нашел бы способ и возможность совместить приятное с полезным. Когда есть достаточное количество желания, лазейка найдется всегда. Итак, какой из этого вывод? Правильно, виновата Эдна и ее летучие гормоны, обеспечивавшие мне клятую химическую кастрацию!

Сегодня был вечер «без Грегордиана», и после ужина мне ничего не светило, кроме идиотских посиделок у камина или телевизора, на покупке которого настояла супруга архонта, поэтому настроение у меня было хуже некуда. Так и до депрессии с нервным расстройством недалеко. Долго никто не засиделся, и все расползлись по своим спальням, я же обошел весь дом, проверив окна, двери, замки, тревожные и охранные заклятия, и тщательно запер и запечатал тяжеленную дверь в подвал, где был один из небольших разрывов в Завесе. Деспот сегодня приходить не собирался, а внезапные незваные гости мне в центре дома ни к чему – мало ли. Под-

нявшись на плоскую крышу, осмотрел двор и окрестности сверху и вдруг засек тишайший жужжащий звук. Нечто размером с крупное насекомое летело в мою сторону, однозначно нарушая границы территории. Непорядок. Сотворив клинок из магического железа, метнул его, сбивая то, что, как мне подсказывало фейринское чутье, не было живым объектом. Перебравшись через парапет, прыгнул прямо на камни двора, отыскал летучего шпиона, которых здесь зовут дронами, и, сунув в карман, без проблем влез обратно и направился спать.

Негромкий, но уверенный стук в дверь застал меня, когда уже снимал рубашку.

– Не заперто.

На пороге стояла Илва, крепко сжимая руки по бокам и глядя на меня решительно, а может, и зло.

– Монна Илва? – приподнял я бровь, выглядывая за ее спиной дракона.

Но вечно ходящего за этой сосулькой принца там не обнаружилось, а девица еще и закрыла дверь, делая ситуацию совсем уж щекотливой. Для себя, ясное дело.

– Чем могу...

– Ты должен научить меня быть хорошей любовницей. Я хочу не просто допустить принца в свою постель, а потрясти его и свести с ума, – не дав мне договорить, заявила Илва. Я был бы меньше ошарашен, если бы она кинула мне в лоб тяжелый булыжник. А потом, не сдержавшись, расхохотался.

– Во имя Богини, монна Илва, если Раффис узнает, что ты явилась ночью ко мне в спальню, это и так уже потрясет его и сведет с ума. Да он с катушек слетит! О чем ты вообще думала, приходя к мужчине с моей репутацией без свидетелей?

– О том, что узнаю все о мужском удовольствии у лучшего учителя, – нисколько не смутившись, ответила она, вот только комплиментом это в ее устах совсем не прозвучало. Будто меня волновало, насколько распутным она меня считает!

Я утер увлажнившиеся уголки глаз и уставился на девушку с новым интересом, размышляя, как же мог просмотреть в ней такие вот внутренние порывы. Старею, что ли? Хватку теряю?

– Если уж мне грозит подставиться из-за тебя под возможные неприятности, монна Илва, то не будешь ли ты со мной достаточно откровенна и не скажешь ли: это твое стремление поразить принца до глубины души... оно имеет под собой чувственно-романтическую почву, или же ты подобным образом желаешь как-то укрепить свои будущие позиции рядом с ним.

– Я всегда буду и останусь его Единственной, тут моим позициям ничего не угрожает, – с легкой заносчивостью ответила девушка, но при этом смотреть стала в угол за моим правым плечом. Не поддалась, вот и правильно. С таким, как я, выдавать свои истинные мотивы чревато. Я же их использую в своих эгоистичных целях. Впрочем, не в этот раз. Так-то я бы не упустил случая позубоскалить и устроить по-

теху, но после просьбы-приказа деспота придется положить все на алтарь преданного и бескорыстного служения своему повелителю. Ничего себе, разве что такую малость, как ошарашенное выражение лица Эдны, когда псевдосестренка заявит о немедленном возвращении домой. Надо обязательно не пропустить это зрелище.

– Я думаю, ты уже достаточно изучила вопрос, чтобы понимать, что таких, как ты, правильнее называть Первой у дракона, но не Единственной. – Да-да-да, раздувшиеся и носящиеся со своими принципами и требованиями к кристальной чистоте избранницы рептилии не чурались держать гаремы из «недостойных уважения шлюх» любых других рас. Об этом, естественно, распространяться было не принято, как и о том, что ни о какой добровольности для женщин речи там не шло. Они же недостойные, чего их мнением интересоваться? Ну да, были эти гаремы далеко не у всех драконов и не в открытую. Штука эта вроде грязного секретика расы, но Раффис так-то у нас аж целый принц, так что...

– Как только ящереныш освободится от девственной печати, ничто не будет мешать ему полноценно погрузиться в пучины разврата с массой окружающих женщин, – невозмутимо продолжил накручивать я. – А он у нас парнишка привлекательный, и однозначно будет востребован.

Ой, как глазки-то сверкнули, хоть на лице ни единый мускул не дрогнул. Браво, девочка! Алево тобой уже прямо слегка заворужен. Внутри сосульки настоящая лава, вот

только не каждому до нее добраться светит.

– На самом деле, монна Илва, уже сейчас наш принц, будь он умнее и раскованней, занялся бы постижением некоторых доступных ему аспектов постельных игр. Благодаря твоему появлению, возбуждаться он теперь способен, ну без возможности финала, что слегка печально, но удовольствия достаточно и в процессе. Да он вообще мог бы прослыть уже живой фак-машиной и великим удовлетворителем в определенных кругах. Тут даже клубы специфические есть, к нему бы с его вечным стояком очереди бы вставали! – Так, что-то огонек в глазах у девы погас. Не перегнул ли я со сгущением красок?

– Какое это имеет отношение к той просьбе, с которой я к тебе пришла, асраи? – ледяным голосом спросила Илва.

Самое прямое, дурочка. Грегордиан желает, чтобы Эдна как можно скорее развернула стопы домой. А ты причина, из-за коей она тут торчит. Спорить с Эдной и убеждать ее в чем-либо, все равно что лбом в стену долбиться, когда она решает упереться. А вот путем намеков и манипуляций убедить тебя, что валить нужно из мира Младших, где кругом одни охотницы на твое чешуйчатое членоносное сокровище, – сама Богиня велела. И ты сама пришла, я даже не инициатор, все практически честно!

– В принципе, никакого. – Пусть теперь сама варится и доходит до кондиции. – Только, я вот думаю, прежде чем начинать тебе постигать мастерство в утехх плоти, сначала,

может, поработать над твоим внешним видом и умением общения?

Илва недоуменно посмотрела на свое несуразное платье. Естественно, Эдна водила ее по местным магазинам, но она и тут выбирала одежду подобную своей прежней – какие-то бесформенные балахоны унылых и невзрачных цветов. Улыбки и хоть намек на флирт? Не-а, не слышали о таком.

– При чем здесь мои наряды и манеры? – моргнула она непонимающе. В чем-то эта дева искушена и прекрасно подкована, например, как усыпить, на свою голову, самого архонта Приграничья или ослепить меня и сбросить в море, но в некоторых вещах наивна.

– Работы-то тут непочатый край. Но прямо сейчас мы сделать что-либо не в силах, так что отложим шмоточно-поведенческий вопрос на потом, – вздохнул я, усаживаясь за стол и открывая личный ноутбук. – А не посмотреть ли нам с тобой действительно интересное кино, а не те розовые соп... романтические сказки, далекие от реальности, что так любит наша монна Эдна. Присаживайся, это явно надолго.

Ага-ага, если ты, конечно, уже после первых пяти минут просмотра с моими учительскими комментариями не сбежишь.

Глава 9

– Нет-нет-нет! – замотала я головой, провоцируя головокружение. – Это какая-то чистой воды подстава, мне кажется! Нельзя за это браться, Кокс! Нас, как пить дать, или кинут, или заманят и за задницы возьмут!

– Не возьмут, Снежка! Я все предусмотрел и даже задаток без всяких проблем с заказчика стряс, – уперся друг.

– У тебя что, совсем чутье отказало? Да это сто пудов нас с тобой и заказали за этот задаток! Сами себя им на блюде и поднесем! Я в совпадения не верю! С какого такого перепугу сначала незнакомый дуболом здоровый за мной по торговому центру гоняется, а потом – опачки! – и он же и наша цель? Под-ста-ва!

– Ты не доверяешь мне, Снежка? Я давал тебе когда-нибудь повод усомниться в том, что все просчитал и вынюхал? Я, между прочим, времени ни минуты тут не терял, пока ты в отключке валялась.

– Да я тебе больше себя самой доверяю, родненький, – попыталась уже перейти с категоричных заявлений на увещевания. – Я в вот такие совпадения и странности не верю. Давай еще чего поищем, миленький, только не это. Верни к чертям этот задаток и забудь.

– Так, хорош! – рявкнул парень и рубанул по воздуху ребром ладони. – Меня твой последний приступ доконал, Сне-

жа! Услышь и ты меня! Я сейчас за любое дерьмо возьмусь, лишь бы срочно, и отправить тебя к докторам как можно быстрее, понимаешь?

– Мы не встрянем в такое из-за меня, не-а! – прищурилась я упрямо.

– Да как скажешь, солнце, – сделав каменное лицо, пожал он плечами и развернулся, чтобы уйти. – Я и сам справлюсь. Делов-то: подсяду к этому типу в клубе, по которым он шатается постоянно, подсыплю в выпивку кой-чего интересного и выведу под белы ручки до тачки!

– Ты больной? Если бы это было так просто, то на черта бы нас нанимали! Ты не подумал, что он тебя знает в лицо, и это тебя в ту тачку загрузят, а не его? – От психа у меня опять стало мутиться в голове и плыть перед глазами, и я схватилась за переносицу, массируя в бесполезной попытке отогнать неизбежное.

– Тш-ш-ш-ш, Снежа-Снежа-Снежа, – голос Сашки сразу стал тише и нежнее, – ну-ка тормози и успокойся! Вдох-выдох, детка, вдох-выдох! Давай рассудим логично и исходя из реальных фактов. Никто, вот своими яйцами клянусь, никто нас в лицо не знает. Почему бы тебе просто не поверить, что этот блондинчик повелся на тебя тогда как на женщину? Очень привлекательную, я бы даже сказал, единственную в своем роде и потрясающе завораживающую женщину...

– Да перестань ты...

– Нет, блин! Это ты перестань! Когда, мля, уже из своих

комплексов детских вырастешь?! Только ты одна в упор и не видишь, что мужики перед тобой прям цепенеют.

– Вот тут верю. И даже знаю почему, – огрызнулась раздраженно.

– Потому что ты охрененно красива, хоть и звездец как необычна. Но это не недостаток, это гребаный магнит, намертво вшитый в тебя матушкой-природой, зараза ты твердолобая.

– Мы собираемся опять спорить о моей внешности?

Ценю, конечно, эти бесконечные попытки Кокса повлиять на мою самооценку, и на самом деле все с ней в порядке. Я смотрю на себя адекватно, а не как он, считающий, как однажды выяснилось в изрядном подпитии, что, по его авторитетному мнению, никто для меня достаточно хорош. Комплекс гиперопекающего старшего братца и вся присущая ему фигня. Короче, сейчас для этого совсем не время.

– Нет, спорить об очевидном, установленном факте мы не будем. Мы говорим об огромной вероятности того, что наш «клиент», встретившись с тобой совершенно случайно, совсем не случайно, а абсолютно закономерно, запал на тебя.

– Я не...

– Стоп! Я говорю! Так вот, с людьми такие вещи, как внезапное непреодолимое сексуальное влечение, происходят постоянно! Уж поверь тому, кто в этом профи! – Я снова открыла рот, но Кокс наклонился и прикрыл мне его ладонью. – Но все это в нашей ситуации вообще не важно, пото-

му что лично ты с ним на этом деле не столкнешься, будешь просто помогать мне с отслеживанием, страховкой и техническими вопросами. Остальное я сделаю сам. Идет?

– Не идет, – заупрямилась теперь я. – Деньги нужны мне...

– Нам.

– Мне. И хватит спорить! Детский сад какой-то! И твой план с наркотой и выведением из клуба – херня. Там камер туева куча, и ты засветишься во всех ракурсах. Плюс прорва всяких левых факторов, помех для связи, людей, что могут его знать и засечь странное поведение. Не пойдет.

– А что тогда пойдет? – закатил он свои шлюшьи очи небесного цвета и такой же красоты.

– Мы ему покажем меня как приманку.

– Ха-ха, очень смешно, Снежка!

– Я не шучу. Я нарисуюсь в его поле зрения издали, и по реакции станет понятно, хочет он действительно поймать меня или же прав ты – мужик повелся на мою красоту неземную в другом смысле. В первом случае – ты прикроешь меня, а в клубе в толпе и полутьме слинять и скинуть его с хвоста проще простого. После разработаем еще какой-нибудь план. При втором варианте – я позволю ему «как бы невзначай и совсем не сразу» склеить меня и, мотивируя тем, что к малознакомым парням не езжу – я вся такая-не такая – заманю на хату, которую мы заранее снимем. Вот там уже можно спокойно опаивать, грузить и все такое. Как тебе?

– Я не в восторге, конечно, – недовольно поджал губы

Кокс.

– Это потому, что всегда мозг у нас ты и мы следуем твоим гениальным планам, – указала я на очевидное, – но не в этот раз. Все это напрямую касается в первую очередь меня, мне и решать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.